

С.В. Шарапов*

S.V. Sharapov*

Влияние Шахтинского процесса 1928 г. на положение «буржуазной» инженерно-технической интеллигенции в СССР

Impact of Shakhty trial 1928 on the status of “bourgeois” engineering and technical intelligentsia in the USSR

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-14

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-14

УДК 94(571.14)“1991/2015”

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Шарапов С.В. Влияние Шахтинского процесса 1928 г. на положение «буржуазной» инженерно-технической интеллигенции в СССР // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 176–186. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-14.pdf>

Sharapov S.V. Impact of Shakhty trial 1928 on the status of “bourgeois” engineering and technical intelligentsia in the USSR // Historical Courier, 2019, No 5 (7), pp. 176–186. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-14.pdf>

Abstract. Shakhty trial of 1928 again raised the question of party and state’s attitude towards “bourgeois” intelligentsia. Accusation of “wrecking” made against a group of engineers and technicians in brought to the forefront of Soviet propaganda demand for political identification of intelligentsia with prevailing ideology and regime. At the same time, suspicions about the presence of “counter-revolutionaries” not yet identified in the economy opened the gateways for attacks on engineering and technical personnel “from below”, primarily from proletariat. The calls to establish control “from below” over the activities of specialists led to destabilization of the previously existing labor subordination, sharply weakening the authority of engineering and technical workers. In addition, the control placed specialists under abnormal conditions: engineering and technical workers often did not dare to take responsibility for making production decisions, for fear of being accused of “wrecking”.

As a result of the Shakhty affair, the economy was positioned as an arena for the struggle between “revolutionary” and “counter-revolutionary” forces, and any professional activity began to be regarded as political. “Wrecking” in the Donbass turned out to be a good example for the authorities that education, special professional knowledge and skills could be used as a weapon of “counter-revolutionary struggle”. Logic of this struggle dictated that belonging to one side or another in this battle was determined, inter alia, by social origin and pre-revolutionary status. This not only accelerated retraining of “red” specialists, but also led to increased hostility to corporate culture of “old” technical intelligentsia.

Keywords: Shakhty trial; “bourgeois” intelligentsia; wrecking; repression.

The article has been received by the editor on 15.08.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. «Шахтинское дело» 1928 г. вновь поставило вопрос об отношении партии и государства к так называемой буржуазной интеллигенции. Показательный суд над группой инженеров и техников, обвиненных во вредительстве, вывел на первый план в советской пропаганде требование политического самоопределения интеллигенции, принятия ею социалистических ценностей во всей полноте. Вместе с тем подозрения о наличии еще не выявленных «контрреволюционеров» в экономике открыли шлюзы для нападков на

* **Шарапов Сергей Валерьевич**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sharapov Sergey V., Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia), e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

инженерно-технический персонал со стороны пролетариата. Призывы наладить контроль над деятельностью специалистов «снизу» привели к дестабилизации ранее сложившейся производственно-трудовой субординации на предприятиях, резко ослабив авторитет инженерно-технических работников. Кроме того, контроль ставил специалистов в ненормальные условия: они часто не решались брать на себя ответственность за принятия производственных решений, опасаясь попасть под обвинение во вредительстве.

В результате «Шахтинского дела» народное хозяйство стало позиционироваться как арена столкновения революционных и контрреволюционных сил, а любая профессиональная деятельность стала рассматриваться как политическая. «Вредительство» в Донбассе оказалось для власти показательным примером того, что образование, специальные профессиональные знания и навыки могли использоваться как орудие в «контрреволюционной борьбе». Принадлежность к той или иной стороне в этом противостоянии определялась в том числе социальным происхождением и дореволюционным статусом. Это подталкивало не только к политике ускорения подготовки кадров «красных» специалистов, но и обусловило возросшую враждебность ко всей корпоративной культуре «старой» (дореволюционной) инженерно-технической интеллигенции.

Ключевые слова: Шахтинский процесс; «буржуазная» интеллигенция; вредительство; репрессии.

В перестроечной и постсоветской историографии сложилось конвенциональное представление о Шахтинском процессе 1928 г. как о событии, ознаменовавшем новый виток усиления политического давления на социальную прослойку так называемой буржуазной интеллигенции¹. Показательный суд над 53 инженерами и техниками, обвиненными в создании «контрреволюционной вредительской организации», вызвал волну репрессий против инженерно-технических работников и других групп интеллигенции². Судебные процессы над «вредителями» прокатились по всей стране. Охота на «внутренних врагов» сопровождалась активной пропагандистской кампанией, целью которой являлось ускорить отход «старой» дореволюционной интеллигенции с позиций политической индифферентности и некоторой отстраненности от дела строительства социализма³. По мнению С.Н. Ушаковой, «Шахтинское дело», наряду с кампаниями, связанными с выборами в Академию наук в 1928 г., «академическим делом» и реформой вузов 1929–1930 гг., являлось частью последовательного процесса огосударствления/советизации «буржуазной» интеллигенции⁴.

Несмотря на присутствие в современных исследованиях темы влияния «Шахтинского дела» на положение «буржуазной» инженерно-технической интеллигенции, ее освещение вряд ли можно считать полным. Неизученными остаются многие аспекты, включая изменившиеся производственно-трудовые взаимоотношения на предприятиях и условия профессиональной деятельности. Не меньший интерес вызывает ответная реакция интеллигенции на Шахтинский процесс и стратегии политического и профессионального поведения в новых условиях. Целью данной статьи является восполнение указанных лакунов, анализ влияния новой политической ситуации, характеризовавшейся наличием мнимой

¹ См., например: *Старков Б.А.* Об истинных и мнимых врагах социалистического строительства // В поисках исторической истины. Л., 1990. С. 92–95; *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; *Кислицын С.А.* Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д., 1993; *Беляков Л.П.* «Шахтинское дело» // Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999.

² *Старков Б.А.* Об истинных и мнимых врагах социалистического строительства // В поисках исторической истины. Л., 1990. С. 92–95.

³ *Щетинов Ю.А.* Режим личной власти Сталина // Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М., 1989. С. 56–61.

⁴ *Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013. С. 136.

угрозы «экономической контрреволюции», на положение инженерно-технической интеллигенции.

Предметом разбирательства на Шахтинском процессе было так называемое промышленное вредительство. Это определило фокус исследования на инженерно-технической группе интеллигенции. Осуждение «шахтинцев» бросило тень на всех специалистов, работавших в сфере народного хозяйства, при том что степень их лояльности интересовала власть прежде всего. Статья основана на публицистических материалах советской центральной и региональной прессы (тема нового отношения к «буржуазным» специалистам обсуждалась публично), а также на архивных документах, в том числе сводках и обзорах ОГПУ о политических настроениях в обществе в связи с «Шахтинским делом».

Первая информация о раскрытии «вредительской организации» в Шахтинском районе Донбасса была обнародована в центральной прессе 10 марта 1928 г., за два месяца до начала судебного процесса. Номер газеты «Правда» открывался передовицей «Об экономической контрреволюции в угольной промышленности». Значение данной публикации придавал тот факт, что ее соавторами были Н.И. Бухарин и И.В. Сталин. В передовице обозначалась общая угроза, возникшая перед советским хозяйством, в виде новой формы «контрреволюции» – промышленного «вредительства», а также содержались прямые указания на классовую природу обнаруженных в Донбассе «преступлений». Якобы «предательство» группы инженеров было обусловлено их принадлежностью к социальной прослойке, в которой по-прежнему сохранялись симпатии к старому режиму. Было заявлено, что «буржуазные спецы и прежде всего бывшие акционеры бывших капиталистических компаний представляют чуждую рабочему классу прослойку», что «руководить такого рода спецами невозможно без систематического контроля над ними», который «предполагает известный минимум здорового коммунистического недоверия ко всей этой прослойке»⁵.

Тема недоверия к «буржуазным» специалистам появилась на следующий день, 11 марта 1928 г., в передовице газеты «Известия» «Жалкие попытки сорвать наше социалистическое строительство». В качестве новой формы контроля над производственным процессом в статье предлагалось «при первом признаке неблагополучия» обращать внимание на «лица» инженерно-технического персонала. Их социальное происхождение при этом становилось важной характеристикой, свидетельствующей о производственной благонадежности: «Гнилые элементы должны быть удалены с производства и заменены красными пролетарскими спецами, как партийными, так и беспартийными»⁶.

Социальная прослойка «буржуазных» специалистов открыто позиционировалась в центральной прессе в качестве источника появления новых кадров «вредителей». Такое положение не могло не встревожить широкие слои инженерно-технической интеллигенции. Власть, в свою очередь, предпринимала попытки снизить градус волнения. Глава правительства А.И. Рыков и председатель ВСНХ В.В. Куйбышев, пользовавшиеся авторитетом в кругах интеллигенции, поочередно выступили в марте 1928 г. с публичными речами на тему «Шахтинского дела»⁷. Оба заверяли, что политика партии и государства в отношении честно трудящихся специалистов не претерпит изменений. «Шахтинская история» трактовалась ими как следствие «предательства» отдельных лиц в составе интеллигенции, тогда как партия и государство уверены в том, что большинство специалистов сохраняют преданность существующему строю.

Это подталкивало инженерно-техническую интеллигенцию к публичной демонстрации своей благонадежности. На страницах газет «Правда» и «Известия» в марте–апреле 1928 г. размещалась информация о многочисленных собраниях инженеров и техников по всей стране. Собрания, как правило, заканчивались составлением резолюций, подписанты

⁵ Об экономической контрреволюции в угольной промышленности // Правда. 1928. 10 марта.

⁶ Жалкие попытки сорвать наше социалистическое строительство // Известия. 1928. 11 марта.

⁷ Речь А.И. Рыкова на пленуме Моссовета // Известия. 1928. 11 марта.; Шахтинское дело и проблема специалистов. На собрании инженерно-технических работников Москвы и губернии // Правда. 1928. 30 марта.

которых единогласно клеймили «шахтинских преступников», заявляя о своей преданности делу социалистического строительства⁸.

Резолюции не отражали в полной мере спектр ответных реакций инженерно-технических работников на «Шахтинское дело». Сводки и обзоры ОГПУ о политических настроениях в обществе свидетельствовали о том, что специалисты часто не принимали на веру как официальную информацию о «заговоре», так и успокоительные заверения со стороны партийно-государственной элиты. Согласно сводкам информотдела ОГПУ, составленным в марте–апреле 1928 г., в среде научно-технической интеллигенции с большой настороженностью встретили известие о раскрытии «шахтинского заговора». «Шахтинское дело» расценивалось как «провокация», начало «репрессий по отношению к техперсоналу», «отвлечение внимания от экономического кризиса»⁹. ОГПУ фиксировало распространение антисоветских настроений и даже поддержки «контрреволюционной» деятельности «шахтинцев»¹⁰. Таким образом, реакция инженерно-технических работников часто отличалась от того единогласного осуждения «вредительства», картину которого предлагали советские газеты.

Однако и публичное отмежевание от «вредителей», по всей видимости, считалось недостаточным проявлением лояльности, поскольку перед специалистами ставилась задача доказать свою преданность идее социалистического строительства. Не случайно Н.В. Крыленко, назначенный государственным обвинителем на предстоящий процесс, в интервью представителям ростовской прессы в марте 1928 г. назвал «Шахтинское дело» политическим экзаменом для всей массы интеллигенции¹¹. Речь шла о том, что «инженер-обыватель» должен стать «инженером-общественником», т.е. отбросить «кастовую замкнутость», присущую интеллигентской прослойке, внимательно относиться к нуждам и требованиям рабочих, занимать активную политическую позицию.

Если до инициирования «Шахтинского дела» условия сотрудничества государства и «буржуазных» специалистов выстраивались на капиталистических условиях найма, теперь государство демонстрировало, что правила изменились. В производственной культуре вместо императива личного заработка должен был главенствовать императив сознательного участия в социалистическом строительстве. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1928 г. В.М. Молотов выдвинул идею о том, что на смену прежнему «буржуазному методу» использования «старых» специалистов, в основе которого лежало материальное поощрение (высокое жалование, премии и т.п.), должен прийти «пролетарский метод», заключающийся «в таком всенародном учете и контроле снизу, который делает неизбежным переход массы специалистов на сторону пролетарского государства»¹².

«Контроль снизу» означал передачу активной роли в выявлении «вредителей» помимо ОГПУ непосредственным участникам производственного процесса, хозяйственникам, рабочим, местным партийным и профсоюзным организациям. Новое требуемое отношение к инженерно-техническим кадрам было удачно сформулировано в обращении ЦК Союза горнорабочих ко всем горнорабочим СССР от 12 марта: «Упорная борьба с саботажниками, но товарищеское отношение к честным специалистам. Борьба со спецееством, но в то же время контроль и проверка работы специалистов, – такова должна быть линия хозяйственников, союза и рабочих»¹³.

«Шахтинское дело» в то же время было показателем того, что местные коммунисты-хозяйственники, а также низовые партийные и профсоюзные организации проявили «слепоту», не сумев вовремя выявить «контрреволюционную организацию». Рабочие же

⁸ См., например: Беспощадная борьба с контрреволюционными вредителями социалистического строительства // Правда. 1928. 11 марта.

⁹ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2010. Кн. 2. С. 940–957.

¹⁰ Там же.

¹¹ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 208–209.

¹² Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 1. С. 220.

¹³ Беспощадная борьба с контрреволюционными вредителями социалистического строительства // Правда. 1928. 12 марта.

показали, с точки зрения советского руководства, пример бдительности, направляя в ОГПУ многочисленные жалобы на инженерно-технический персонал, тем самым поспособствовав раскрытию «Шахтинского дела». Таким образом, именно пролетарии позиционировались как достаточно чуткие к «вредительству» участники производственного процесса.

Как показывают документы ОГПУ, рабочие деятельно взялись за поиски «контрреволюционной» составляющей в деятельности специалистов. В сводке информационного отдела ОГПУ, составленной в начале апреля 1928 г., приводились соответствующие высказывания рабочих: «Надо не ручаться, а надо быть бдительнее к специалистам, тогда только можно быть уверенным»¹⁴. Подозрительное отношение к работе ИТР распространилось и на отдаленные от места раскрытия «заговора» регионы. Аналогичные суждения рабочих приводились в обзоре политэкономического состояния Новосибирского округа за март 1928 г.: «У нас, возможно, сидят такие же субъекты, как в Донбассе, их нужно выловить и выбросить»¹⁵; «Нужно быть осторожнее и следить за своим производством, так как опубликованные факты о Донбассе заставляют думать – не творится ли подобное у нас»; «Вот мы видим, что спецы наделали в Донбассе, теперь видно, что из себя эти спецы представляют»¹⁶.

Рабочие, впрочем, как и местные ответственные организации, вряд ли способны были провести четкое разграничение между «честными» специалистами и «саботажниками», учитывая невозможность отличить умышленное вредительство от непреднамеренной ошибки или бесхозяйственности. Неудивительно, что «контроль снизу» обернулся всплеском «спецеедческих» настроений. Исследователь Л.И. Пыстина, затрагивая проблему влияния «Шахтинского дела» на сибирскую интеллигенцию, констатировала усиление антиспецовских настроений весной–летом 1928 г.: «В различных документах инженерно-технических секций и профсоюзных органов разных уровней, докладных записках по материалам обследований, проведенных местными и центральными профорганами и РКИ, содержится немало данных, свидетельствующих о неблагополучии в положении специалистов, особенно в “морально-правовом” (по словам председателя СМБИТ [Западно-Сибирского краевого межсекционного бюро инженеров и техников] Б. Алексеева) отношении, ухудшении их взаимоотношений с рабочими и хозяйственным руководством, о многочисленных перегибах в критике специалистов со стороны прессы, рабочих, партийного и профсоюзного руководства (особенно “низового”»¹⁷.

Сам Шахтинский процесс, продолжавшийся с 18 мая по 5 июля 1928 г. и активно освещавшийся в советских СМИ, способствовал росту интеллигентофобии. Советские газеты, не только центральные, но и региональные, публиковали корреспондентские отчеты из зала суда, часто сопровождая их фельетонами и другими материалами. В ходе кампании освещения процесса образ «внутреннего врага», «контрреволюционера-вредителя», детализировался и уточнялся на основе показаний и допросов подсудимых. Основополагающей характеристикой этого нового обобщенного образа была априорно допускаемая неспособность последнего принять социалистические ценности, выйти из оболочки «буржуазного» образа мыслей. «Шахтинцы» не изображались принципиальными идеологическими противниками социалистического государства. Им приписывалось вообще отсутствие какой-либо четкой идеологической платформы. Тем самым подчеркивалось, что на процессе советский суд имел дело с «охвостом» старого режима, «вредившим» скорее по привычке, нежели из идейных убеждений. Пропаганда прибегала к чрезвычайно действенной уловке: признаками контрреволюционности считались не столько приверженность буржуазной или монархической идеологии, сколько социальное прошлое (происхождение и статус) и социальное поведение (отношение к труду, к накоплению

¹⁴ Шахтинский процесс 1928 г. ... Кн. 2. С. 950.

¹⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9. Л. 98.

¹⁶ Там же. Л. 101.

¹⁷ Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С. 99.

материальных благ и т. д.). Именно эти акценты превращали абстрактный образ «контрреволюционера-вредителя» в узнаваемый типаж «буржуазного» интеллигента. Не антисоветская идеология, возможно, малопонятная пролетариату, а «буржуазный» образ жизни и поведения «вредителей» придавал последним в глазах рабочих узнаваемый облик¹⁸.

Впоследствии по итогам процесса государственный обвинитель Н.В. Крыленко опубликовал статью «Класс против класса», в которой уничижительно характеризовал уже осужденных «шахтинцев»: «Не являясь сами по себе ни творцами, ни воротилами истории, не представляя из себя каких-либо отличительных черт, которые бы постоянно концентрировали на них общественное мнение, независимо от условий и окружающей обстановки, – эти люди исчезнут во мраке истории так же нечаянно, как нечаянно они всплыли на поверхность, куда их вынесла логика классово-борьбы, сделав их, помимо их воли, центром внимания миллионов»¹⁹. Согласно логике Н.В. Крыленко, «семена контрреволюции» могли пустить свои ростки только в том слое населения, который «был осужден историей и условиями своей жизни всегда с опозданием проходил азы политической науки, для которых в свое время вопросы политики представлялись вопросами, которые их меньше всего интересовали»²⁰. Заявление о «нечаянном» появлении «шахтинцев» в советской реальности говорит о многом. Изображение «шахтинцев» не антигероями, а обывателями, случайно оказавшимися на острие классово-борьбы, позволяло соотносить их со стереотипом «буржуазного» интеллигента, работавшего в советской промышленности «за корысть и страх». Сказанное выше согласуется с выводом историка С. Шаттенберг, что с 1928 г. советское правительство активизировало борьбу «против всей культуры старой корпорации инженеров, против их организаций, мировоззрения, методов работы, поведения и одежды»²¹.

Одновременно в официальной пропаганде делались популистские заявления о том, что Шахтинский процесс оказывал положительное влияние на взаимоотношения между инженерами и рабочими. Так, согласно сообщению корреспондента газеты «Правда» из г. Шахты, напечатанному 20 мая 1928 г., «Шахтинский процесс явился стимулом сближения рабочих и тех специалистов, которые зарекомендовали себя как честные, искренние сторонники социалистического строительства. Сглаживаются все бывшие ранее недоразумения»²². Об этом же в беседе с корреспондентом газеты «Известия» заявил 21 мая председатель шахтинского рудничного комитета Щавлев: «Отношение рабочих к специалистам, оставшимся и работающим на рудниках, хорошее. Специалисты ближе подошли к рабочим. Специалисты стали больше посещать производственные совещания и другие рабочие собрания. Это приближение специалистов к рабочей массе постепенно сглаживает имеющийся здесь отрыв»²³.

Однако в действительности отношение рабочего класса к специалистам часто существенно отличалось от нормативного «товарищеского». Например, в докладной записке Луганского окружного отдела ГПУ УСССР о настроениях в связи с «Шахтинским делом» от 1 декабря 1928 г. делался вывод, что среди рабочих твердо укрепилось мнение, что весь технический персонал «настроен контрреволюционно»²⁴. При характеристике обстановки на предприятиях приводились следующие высказывания рабочих: «Рабочие давно говорили, что техперсонал – наши враги. Вот теперь и убедились, что собой представляет инженер»;

¹⁸ См. об этом: *Шарапов С.В.* Пропагандистское обеспечение Шахтинского процесса 1928 г. // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 490–526.

¹⁹ *Крыленко Н.В.* Класс против класса // Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги Шахтинского дела): статьи и документы. М., 1928. С. 3.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ *Шаттенберг С.* Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором. М., 2011. С. 111.

²² Уроки Шахтинского дела // Правда. 1928. 20 мая.

²³ В Шахтах после раскрытия заговора // Известия. 1928. 22 мая.

²⁴ Шахтинский процесс 1928 г. ... Кн. 2. С. 986.

«Давно пора взяться за техников и инженеров, за последнее время они так обнаглели, что рабочим жить нельзя»²⁵.

Вместе с тем центральная пресса (газеты «Правда» и «Известия») не допускала на своих страницах появления в каком-либо виде «голоса рядовых специалистов», реагиовавших на рост «спецедействия». Жалобы со стороны инженерно-технического персонала на неподчинение рабочих время от времени появлялись на страницах региональных органов печати. Так, в газете «Красный шахтер» (орган Северов-Кавказского крайкома и Донского окружкома ВКП(б)) 14 октября 1928 г. был помещен отчет о встрече инженеров и техников рудника «Октябрьская революция» с представителем ВЦСПС. Инженеры жаловались на нездоровые взаимоотношения на производстве, бесосновательные придирки со стороны прокуратуры и отдела труда, работники которых в каждом несчастном случае, даже незначительном, искали вину техперсонала. Упоминались случаи, когда рабочие, злясь на какого-либо техника, требовавшего строгой дисциплины, устраивали искусственные завалы в шахте, чтобы потом обвинить того во «вредительстве»²⁶.

Такого рода сообщения о давлении на ИТР публиковались и в профильном журнале технической интеллигенции «Инженерный труд». Так, в одной из статей декабрьского номера за 1928 г. разбирались причины участившихся нападений на инженерно-технический персонал (упоминалось покушение на заместителя директора Львовского сахарного завода инженера Гудкова и другие случаи)²⁷. Автор статьи полагал, что официальная пропаганда, дифференцированно подходя к «буржуазной» интеллигенции, в то же время не различала расслоения внутри самого пролетариата, среди которого немалая часть являлась носителями отсталых антиинтеллигентских стереотипов. Автор, таким образом, указывал, что логика классово-борьбы диктует помимо осуждения «вредительства справа» («буржуазной контрреволюции») осуждение «вредительства слева» (со стороны тех элементов рабочего класса, которых называли деклассированными).

В условиях сужения возможности конструктивно работать советские инженеры вынуждены были искать способы нормализовать обстановку на производстве. Некоторые журналисты «Инженерного труда» полагали, что инженеры способны справиться с данной задачей своими силами. В статье ноябрьского номера, подписанной инициалами Л.К., автор предлагал рецепт преодоления ненормальных условий работы на производстве. По его мнению, инженерно-технической общественности необходимо было самой занять активную позицию в кампании «критики и самокритики», публично указывая на «безобразные поступки в отношении технического персонала»²⁸. Непонятно, однако, какие пути предусматривал автор для осуществления задуманного в тех условиях, когда пресса подразумевала под «самокритикой» исключительно пролетарскую «критику», отводя техническому и административному персоналу роль ее объектов.

Пролетарские нападки на инженерно-технический персонал «снизу» не до конца характеризовали то экстремальное положение, в котором оказалась «буржуазная» интеллигенция. «Шахтинское дело» стало причиной обследования деятельности специалистов органами ОГПУ во всех отраслях промышленности. Следствием активной работы ОГПУ стала волна региональных судебных дел, прокатившаяся по стране в ходе борьбы с «экономическим вредительством». О масштабах привлечения «буржуазных» специалистов к судебной ответственности свидетельствуют сравнительные данные по разным горнозаводским районам страны, приведенные на пленуме Центрального бюро инженерно-технических секций союза горнорабочих в ноябре 1928 г. Примерный «процент привлечения» к суду специалистов от общей их численности в Донбассе составил 13 %, в Кривом Роге – 5, в Грозном – 9, в Баку – 6, на Урале – 10, в Сибири – 17, на Дальнем

²⁵ Шахтинский процесс 1928 г. ... Кн. 2. С. 985.

²⁶ Представитель ВЦСПС у инженеров и техников // Красный шахтер. 1928. 14 окт.

²⁷ Работа на врага // Инженерный труд. 1928. № 12. С. 531–532.

²⁸ Л.К. Наши головотяпы // Инженерный труд. 1928. № 11. С. 491–493.

Востоке – 8, в Подмосковном бассейне – 8 %²⁹. Следует отметить, что не все судебные разбирательства заканчивались вынесением обвинительного приговора. Л.И. Пыстиной приведены следующие данные секретного циркуляра исполняющего обязанности краевого прокурора Сибири Лисина от 8 мая 1929 г. «О более осторожном отношении к привлечению специалистов к ответственности»: «В Кузнецком округе 56,5 % дел, возбужденных против специалистов в 1928 г., закончились оправданием или были прекращены за бездоказательностью. Были прекращены или закончились оправданием 60 % дел, заведенных на 54 чел. из числа административно-технического персонала Томской ж. д. в 1927–1928 г.»³⁰.

Волна охоты на «контрреволюционеров-вредителей» стала результатом обозначенной «Шахтинским делом» смычки «рабочего и чекиста», в которой служебное рвение работников ОГПУ накладывалось на агрессивное отношение рабочих к ИТР. В ряду символических форм выражения солидарности рабочих и работников ОГПУ в Шахтинском районе был проведен «вечер смычки чекиста и горняка». Согласно помещенному в газете «Молот» (орган Шахтинско-Донецкого окружкома ВКП(б)) 22 июля 1928 г. сообщению, вечер завершился обещаниями постоянной взаимоподдержки и согласованности в работе³¹. Символическое сближение сотрудников ОГПУ и рабочих характеризовало тенденцию к налаживанию полицейского контроля над работой административно-технического персонала предприятий. Постоянное присутствие в структуре производственных отношений связки «рабочий–чекист» формировало и воспитывало традицию доносительства. «Шахтинское дело» как продукт доносительства рабочих и служебного рвения украинских чекистов демонстрировало одновременно и новый формат контроля над производственным процессом.

Косвенным следствием Шахтинского процесса, нанесшим существенный вред производству, явилось сужение возможности «технического риска» для инженерно-технического персонала. Во многих отраслях промышленности, и особенно в горной, определяющее значение имело техническое решение инженера, связанное с определенным риском и готовностью взять на себя ответственность за последствия. Такие решения не всегда оказывались верными, но устранить возможность их принятия означало затормозить производственный процесс. Контроль за деятельностью специалистов ограничивал возможность пойти на профессиональный риск. Специалисты часто отказывались брать на себя ответственность, опасаясь оказаться обвиненными во вредительстве.

Показательно, что органы ОГПУ считали «контрреволюционные» настроения весьма распространенными в среде «буржуазной» инженерно-технической интеллигенции. Например, в докладной записке Луганского окружного отдела ГПУ УССР о настроениях населения округа в связи с «Шахтинским делом», датированной 1 декабря 1928 г., отмечалось, что инженерно-техническая общественность разбилась на две группы: первая группа (высший и частично средний технический персонал) высказывала резкое недоверие Шахтинскому процессу, обвиняя в подлоге советскую власть, «обанкротившуюся на руководстве хозяйством». Нелестные отзывы доставались и ОГПУ. По мнению целого ряда лиц из технического персонала, «ГПУ – это орган, попирающий элементарные человеческие права, палачи Советской власти». Вторая группа, состоявшая из части среднего и низшего техперсонала, «если не высказывалась всегда положительно по отношению действий правительства, то, во всяком случае, проявляла лояльную сдержанность, считая необходимым воздержаться до полной ясности дела»³². Осведомленность ОГПУ о настроениях в инженерно-технических кругах имела достаточно оснований для такого рода выводов. Не только в силу того, что ОГПУ достаточно плотно пронизывало эту корпорацию, но и потому, что сама инженерно-техническая интеллигенция даже из защитных,

²⁹ Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири ... С. 151.

³⁰ Там же. С. 102.

³¹ Руку, тов. Чекист! // Молот. 1928. 22 июля.

³² Шахтинский процесс 1928 г. ... Кн. 2. С. 984.

конформистских соображений не могла так стремительно и массово «советизироваться», как это следовало из пропагандистских материалов.

Весьма пессимистично оценивали уровень «советизации» технической интеллигенции некоторые крупные хозяйственники. На ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1928 г. председатель правления треста «Югосталь» И. Бирман высказывался следующим образом: «Можно упрощенно, немного грубо сказать, что у нас есть сейчас 4 категории специалистов. Первая категория – это те вредители, которые сидят. Вторая категория – это вредители, которые не сидят <...>. Третья категория – это сами не вредители, но такие, которые, однако, вредителей не считают преступниками. А четвертая категория – это те специалисты, которые уверены, что это не вредители, что их зря преследуют, потому что советская власть иначе не может прикрывать свои ошибки»³³.

Подобные оценки распространения «контрреволюционных» настроений среди интеллигенции явно входили в противоречие с пропагандистской информацией. Так или иначе, данные ОГПУ, вкуче с судебными процессами по «вредительским» делам, показывали, что какое-то количество «саботажников» оставалось на производстве. Это подстегивало активное обсуждение проблем подготовки кадров «пролетарских» инженерно-технических работников.

Главной задачей реформирования в области образования, которую выводила на первый план пресса, было создание нового типа инженера-производственника. В связи с этим активно пропагандировалась необходимость увязывания учебного процесса с процессом производства, предлагалось передать ВТУЗы из ведения Наркомпроса под управление ВСНХ. Объединенный апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором обсуждались проблемы высшего образования, так и не выработал солидарного решения по этому вопросу. Противником ведомственности в высшей школе выступил руководитель правительства А.И. Рыков. Точка зрения И.В. Сталина заключалась в признании правильности намеченной реформы³⁴. Сталинская позиция по данному вопросу стала фактически директивной для всей официальной пропаганды. На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. было принято решение в качестве пробной меры передать шесть ВТУЗов и пять техникумов в ведение ВСНХ СССР и два ВТУЗа – в ведение Народного комиссариата путей сообщения (НКПС)³⁵.

Другими элементами пропагандистской кампании по подготовке новых кадров специалистов являлись установки на рационализацию учебных планов, сокращение сроков обучения путем ликвидации некоторых необязательных общеобразовательных дисциплин. Принятие данной стратегии в сфере высшего образования должно было интенсифицировать подготовку «красных» специалистов, на что нацеливала провозглашенная Л.М. Кагановичем на Всеукраинской производственной конференции горняков 24 июня директива «выковать свой командный состав промышленности»³⁶. В резолюции июльского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. было указано с 1928 г. начать создание нескольких ВТУЗов нового типа с сокращенным сроком обучения в течение 3–4 лет³⁷.

Кампания форсированной подготовки «красных» инженеров для скорейшей масштабной замены специалистов «буржуазных» весьма логично вписывалась в контекст «Шахтинского дела». «Старой» инженерно-технической интеллигенции был послан недвусмысленный сигнал о том, что данная прослойка не имеет перспектив в новом обществе.

«Шахтинское дело» 1928 г. имело ярко выраженную антиинтеллигентскую направленность. Советское руководство требовало поставить деятельность «буржуазных» инженерно-технических работников под всесторонний контроль. Его следствием стало

³³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 26. Д. 17. Л. 107.

³⁴ Как ломали нэп ... Т. 1. С. 237, 298.

³⁵ Там же. М., 2000. Т. 2. С. 602.

³⁶ О Шахтинском заговоре (из выступления т. Кагановича на Всеукраинской производственной конференции горняков) // Известия. 1928. 24 июня.

³⁷ Как ломали нэп ... Т. 2. С. 600.

нарушение устоявшегося баланса производственно-трудовых взаимоотношений. Инженерно-технические работники оказались в условиях, когда их работа контролировалась не только уполномоченными организациями, но и рабочими, призванными к «классовой бдительности». Специалисты попадали в зависимость от пролетариев, готовых донести о любых производственных неполадках в ОГПУ. Вместе с тем инженерно-техническая общественность вынуждена была публично декларировать свою преданность делу социалистического строительства. При этом документы ОГПУ показывают, что среди специалистов были распространены пессимистические настроения, предположения, что «Шахтинское дело» инициировано властью для обоснования начала новой волны репрессий.

Партия использовала Шахтинский процесс для того, чтобы дать политическое объяснение производственным провалам, списав их на организованное вредительство. Привнесенная политическая трактовка фактически превращала народное хозяйство в еще один фронт противостояния «революционных» и «контрреволюционных» сил. С этим связаны неприемлемое отношение со стороны власти к идеологической индифферентности специалистов, требования наполнить советские предприятия политически благонадежными кадрами. Восприятие экономики как участка борьбы за выживание Советского государства открывало для партии возможности использования мобилизационных технологий, стимулируя «оборонческие» настроения в условиях угрозы «экономической контрреволюции».

Литература

Беляков Л.П. «Шахтинское дело» // Репрессированные геологи: сб. / отв. ред. Л.П. Беляков, Е.М. Заболоцкий. 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: ВСЕГЕИ, 1999. С. 385–390.

Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. / ред. В.П. Данилов О.В. Хлевнюк. М.: МФ «Демократия», 2000. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. 493 с.

Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. / ред. В.П. Данилов О.В. Хлевнюк. М.: МФ «Демократия», 2000. Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. 718 с.

Кислицын С.А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д.: Логос, 1993. 109 с.

Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: АН СССР, 1991. 295 с.

Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1999. 159 с.

Старков Б.А. Об истинных и мнимых врагах социалистического строительства // В поисках исторической истины. Л.: Лениздат, 1990. С. 92–95.

Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013. 215 с.

Шарапов С.В. Пропагандистское обеспечение Шахтинского процесса 1928 г. // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): кол. моногр. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2018. С. 490–526.

Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011. 477 с.

Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: сб. документов: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2010. Кн. 2. 1087 с.

Щетинов Ю.А. Режим личной власти Сталина // Режим личной власти Сталина. К истории формирования: сб. по материалам дискуссии / под ред. Ю.С. Кукушкина. М.: МГУ, 1989. С. 9–97.

References

Belyakov, L.P. (1999). *Shakhtinskoe delo* [Shakhty trial] // In *Belyakov, L.P. & Zabolotskiy, E.M. (ed.). Repressirovannye geologi: sb., 3-e izd., ispr. i dop.* Moscow, St. Petersburg, VSEGEI, 1999, pp. 385–390.

Danilov, V.P. & Khlebnyuk, O.V. (Ed.). (2000). *Kak lomali nep: stenogrammy plenumov ZK VKP(b) 1928–1929 gg.* [How NEP was broken: transcripts of plenums of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) in 1928–1929]: v 5 t. Moscow, MF “Demokratiya”, 2000. T. 2: *Obedinennyi plenum ZK VKP(b) 4–12 iyulya 1928 g.* 718 p.

Danilov, V.P. & Khlebnyuk, O.V. (Ed.). (2000). *Kak lomali nep: stenogrammy plenumov ZK VKP(b) 1928–1929 gg.* [How NEP was broken: transcripts of plenums of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) in 1928–1929]: v 5 t. Moscow, MF “Demokratiya”. T. 1: *Obedinennyi plenum ZK i ZKK VKP (b) 6–11 aprelya 1928 g.* 493 p.

Kislitsyn, S.A. (1993). *Shakhtinskoe delo. Nachalo stalinskikh repressii protiv nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii* [Shakhty trial. The beginning of Stalinist repressions against scientific and technical intelligentsia in the USSR]. Rostov-on-Don, NMC “Logos”. 109 p.

Krasil'nikov, S.A. (Ed.). (2010). *Shakhtinskii protsess 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi* [Shakhty trial of 1928: preparation, conduct, results]: sb. dokumentov: v 2 kn. Moscow, ROSSPEN, kn. 2. 1087 p.

Kumanev, V.A. (1991). *30-e gody v sudbakh otechestvennoi intelligentsii* [1930s in the life of USSR intelligentsia]. Moscow, AN SSSR. 295 p.

Pystina, L.I. (1999). “*Burzhuznyye spetsialisty*” v Sibiri v 1920-e – nachale 1930-kh godov (*sotsial'no-pravovoe polozhenie i usloviya truda*) [“Bourgeois specialists” in Siberia in 1920s – early 1930s (social and legal status and working conditions)]. Novosibirsk, Izd-vo in-ta arkheologii i etnografii. 159 p.

Sharapov, S.V. (2018). Propagandistskoe obespechenie Shakhtinskogo protsessa 1928 g. [Propaganda support of Shakhty trial in 1928]. In *Krasil'nikov, S.A. (ed.). Sotsialnaya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.): kol. monogr.* Moscow, ROSSPEN, pp. 490–526.

Shattenberg, S. (2011). *Inzhenery Stalina. Zhizn mezhdru tekhnikoi i terrorom v 1930-e gg.* [Engineers of Stalin. Life between technology and terror in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN. 477 p.

Shchetinov, U.A. (1989). *Rezhim lichnoi vlasti Stalina* [Stalin's personal regime of power]. In *Kukushkin, U.S. (Ed.). Rezhim lichnoi vlasti Stalina. K istorii formirovaniya: sb. po materialam diskussii.* Moscow, MGU, pp. 9–97.

Starkov, B.A. (1990). *Ob istinnykh i mnimykh vragakh sotsialisticheskogo stroitel'stva* [On the true and imaginary enemies of socialist construction] // In *V poiskah istoricheskoy istiny.* Leningrad, Lenizdat, pp. 92–95.

Ushakova, S.N. (2013). *Ideologo-propagandistskie kampanii v praktike funktsionirovaniya stalinskogo rezhima: novye podkhody i istochniki* [Ideological and propaganda campaigns in the practice of functioning of Stalinist regime: new approaches and sources]. Moscow, ROSSPEN. 215 p.

Статья поступила в редакцию 15.08.2019 г.